

Прозвучал протяжный звон часов.

Стрелка перешла к дневному времени. Начался новый день.

В человеческом обществе за окном сейчас уже слышались бы птицы, автомобильные гудки и людской гомон. Но это был мир аномалий, а здесь существовала только бескрайняя тишина.

Чэнь Сяомэй пнула Жёлтоволового, храпевшего на полу, и без выражения сказала:

— Пора готовить.

Жёлтоволоосый ещё толком не успел открыть глаза, но от этих слов сразу вздрогнул.

— Нас тут трое. Нельзя по очереди рубить, что ли?

Чжу Цинъань молча протянула руку, на которой уже не хватало четырёх пальцев.

Жёлтоволоосый поднялся и отряхнул одежду.

— Ладно. Если не я пойду в ад, то кто?

На кухне клубился пар. Когда Чэнь Сяомэй поставила суп на стол, старший брат как раз вышел из своей комнаты, потягиваясь.

— Я чувствую запах других людей.

Чэнь Сяомэй даже не моргнула.

— Ага. Притащила тебе свежие ингредиенты. Только крови потеряли многовато, вкус уже не самый свежий. Нужно откормить их три дня, а через три дня сделаю тебе рис в горшочке.

В трансляции Чэнь Сяомэй тут же посыпались похвалы.

«Чэнь — мощь. Неважно, человек перед тобой или аномалия, ты одинаково безэмоционально врешь».

«Ха-ха-ха! Через три дня? А я вообще ещё буду здесь через три дня?»

«Подождем, пока залечим раны, потом проведем ещё одну комбинацию и прикончим старшего

брата!»

«Признаю, когда Чэнь только вступила в игру, я говорил слишком громко».

На удивление, все были почти единодушны. Казалось, даже если капитана нет рядом, пока здесь Чэнь, этот раунд должен пройти стабильно.

Старший брат тоже улыбнулся — мрачно, показывая острые, словно шестерёнки, зубы.

— Рис в горшочке, значит? Вкусно будет. Сестрёнка, чего их растить? Брат голодный. Отрубка мне кусочек плеча, попробую.

— Вчера они приняли приглашение Музыканта и должны пройти очищение его музыкой. Если у них не будет руки или ноги, Музыкант рассердится.

— Да плевать мне, кто там рассердится! — брат одним глотком выпил суп. — Это мой дом. Раз пришли ко мне, здесь мои правила и есть правила!

Предупредить остальных Чэнь Сяомэй не успела. Старший брат сразу подошёл и открыл дверь её комнаты.

Жёлтоволосый и Чжу Цинъань среагировали мгновенно — хотели отскочить, выхватить оружие.

Но за спиной брата увидели побледневшую Чэнь Сяомэй, которая едва заметно покачала головой.

Не сопротивляться.

Они тут же замерли.

Старший брат похлопал Чжу Цинъань по голове, словно выбирал арбуз.

— Эта качественная. Умная. Мозги будут вкусными.

Он привычным движением вывернул и оторвал левую руку Чжу Цинъань — словно отрывал ножку у жареной курицы.

Кровь хлынула, как из открытого крана, забрызгав всю комнату и всех присутствующих.

Чжу Цинъань оказалась невероятно стойкой: крик она намертво заперла в горле, а потом потеряла сознание от боли.

Старший брат быстро и ловко принялся грызть руку, будто ел жареную курицу, набивая рот до отказа. Напевая странную мелодию, он наконец ушёл.

Жёлтоволосяй не оцепенел от ужаса — всё-таки уже пережил несколько сценариев. Он бросился к Чжу Цинъань и стал один за другим использовать медицинские предметы, останавливая кровь.

— Ничего, ничего. Живая ещё. Живая.

Чэнь Сяомэй и зрители трансляции тоже отдали все медицинские предметы, которые могли передать.

Губы Чэнь Сяомэй побелели.

— Спасаем, пока можно. Остановим кровь. Ей ещё шестнадцать часов держаться.

.....

Оставалось тринадцать часов.

Мо Жэньчжу отсчитывал время. Он не знал, что происходит с другими участниками, поэтому мог лишь действовать максимально осторожно и гарантировать собственное выживание.

Время тянулось мучительно медленно. По рецепту детского питания он растёр скорлупу яйца в порошок, размешал её в воде и накормил младенца.

Кроха была очень удобной: не плакала, не капризничала. Давали еду — ела, не давали — спала.

Разобравшись с ребёнком, Мо Жэньчжу принялся листать старые газеты, которые Господин неизвестно когда велел подготовить. Многие знаки он не узнавал и мог лишь догадываться по смыслу.

Но ни одну зацепку он упускать не собирался.

Тем более газеты достал сам Господин.

Ян Ли тоже усиленно восстанавливал забытые знания. Увидев, что Мо Жэньчжу читает, он незаметно опустил свою газету и будто между делом спросил:

— А ты помнишь нашу первую встречу?

Мо Жэньчжу на мгновение застыл, но реакция у него была молниеносной.

— Конечно. Мы встретились...

Его взгляд пробежал по газете, и меньше чем через две секунды он уверенно назвал место:

— ...на Фестивале цветов в восточной части Линьчэна. В тот день всё небо было заполнено цветами, а Господин появился в моей жизни словно свет.

Фестиваль цветов в восточной части Линьчэна?

Ян Ли с чувством кивнул.

— Да. В тот день цветы были прекрасны.

Сказав это, он тут же опустил голову и сделал вид, что любуется старой газетой, а сам быстро перелистывал страницы.

Где вообще находится Линьчэн?

Мо Жэньчжу тоже склонился над газетой и лихорадочно перелистывал её.

Что ещё за фестиваль цветов? Кто знает, есть ли вообще цветы в этом мире аномалий?

Он мог сочинить любую ложь, и Господин мог поверить ему сколько угодно раз. Но самому Мо Жэньчжу достаточно было единожды попасться на противоречии.

Газеты давали довольно полную картину.

Чаще всего в них упоминалось одно знаменитое место — игровой зал.

Линьчэн был аномалией правил уровня S того же класса, что и Господин.

В нём жили миллионы аномалий. Такие места уровня A, как «Счастливый жилой комплекс», являлись лишь его вассалами. Поэтому, если участники «Счастливого жилого комплекса» выйдут за главные ворота, они увидят процветающий город, почти неотличимый от человеческого.

Когда чёрный туман впервые пришёл в мир аномалий, Линьчэн вместо того, чтобы попытаться с ним разобраться, создал игровой зал и, используя его как якорь, напрямую протянул руку в человеческое общество.

Читая газетные статьи о праздновании открытия игрового зала, Мо Жэньчжу вдруг подумал о безумной возможности.

Если только игровой зал соединяет мир аномалий с человеческим обществом, то что будет, если взорвать игровой зал? Не окажется ли человеческий мир тогда в безопасности?

.....

Оставалось десять часов.

Инь Нинсюэ считала время и постепенно погружалась в отчаяние.

Её строгий отец открыл дверь комнаты.

— Дочь, я хочу отправить тебя на пластическую операцию.

Инь Нинсюэ смотрела только на пейзаж за окном. Голос звучал отстранённо.

— Мама согласна?

— Я согласна, — холодный голос матери раздался за спиной отца. Женщина, похожая на ледяной цветок, с ненавистью смотрела на Инь Нинсюэ. — Почему цветок, выросший из ненависти, вообще имеет право взростеть?

Да кто его знает почему?

Инь Нинсюэ продолжала смотреть за окно. Мертвенно-белый дневной свет лежал на стекле, словно белая ткань, которой накрыли труп.

Из собранных ею кусочков предыстории следовало, что отец — помешанный на совершенстве перфекционист. Он требовал идеальности от всех и в итоге довёл младшего брата до смерти.

Мать ставила сыновей выше дочерей. Младшего брата она родила, рискуя собственной жизнью, поэтому ненавидела отца, ненавидела дочь, ненавидела небо и землю — но почему-то ни разу не заговорила о разводе.

История вся в дырах. Неужели эти аномалии не способны придумать предысторию хотя бы с

нормальной логикой?

Инь Нинсюэ горько улыбнулась. Ей оставалось лишь смотреть в небо за окном и представлять человеческий мир.

Наверное, в городах сейчас уже зажглись огни тысяч домов.

А она уже не сможет вернуться.

Инь Нинсюэ не знала, о чём думал брат Сунь Чжу перед смертью. Сама она чувствовала лишь одно.

Больно.

До конца оставалось десять часов, а нижняя часть тела уже лишилась обеих ног. Мать сломала их за то, что дочь постоянно бегала наружу и «не занималась делом». Отнятые ноги ещё можно было сварить в суп для младшего брата.

Отвратительные аномалии.

Десять часов она не протянет. Холод от потери крови уже расползлся по рукам и телу.

В последний раз Инь Нинсюэ обернулась к отцу и улыбнулась.

— Вы никогда меня не обнимали. Можете подойти и обнять меня? Отец.

Отец-аномалия заколебался, но просьба Инь Нинсюэ соответствовала заданным правилам.

Он был вынужден подойти и обнять её.

— Сдохни, ублюдок.

Инь Нинсюэ мёртвой хваткой вцепилась в отца-аномалию.

Граната взорвалась с грохотом, ослепительно ярким пятном вспыхнув в мертвенно-белом дневном свете.

Оставалось четыре часа.

Линь Юэшэн застрелил собственную дочь, тестя и тещу, после чего выпрыгнул из окна. Жил он на втором этаже, так что падение его не убило.

Он бежал без остановки. По дороге встретил вора, о котором говорилось в правилах жилого комплекса, угостил его такой же «арахисиной», как тестя с тещей, и помчался к Хрустальному дворцу.

В гостиной его дома жена висела на потолочной балке и яростно вопила.

Крик словно пронзил ему барабанные перепонки, и из ушей потекла кровь.

В глазах Линь Юэшэна появилось безумие. Он непрерывно бормотал:

— Я люблю тебя. Я люблю тебя. Я люблю тебя. Больше всех люблю только тебя. Только тебя.

Оставался один час.

Господин уснул. Мо Жэньчжу, прижимая к себе щупальце и игнорируя неизвестных существ, плававших в воздухе, вернулся в гостевую комнату.

Он переоделся обратно в собственную одежду.

Несколько раз посмотрел на маленького младенца и улыбнулся.

— Прощай.

Всё погрузилось в абсолютную тишину, а в ушах раздался знакомый звук игры.

«Поздравляем игрока с успешным прохождением. Игра окончена».

<http://bllate.org/book/21236/2230775>